

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 28 июня 2012 г. N 1248-О ПО ЖАЛОБЕ ГРАЖДАНИНА ХОРОШЕНКО АНДРЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПУНКТОМ 5 СТАТЬИ 403, ЧАСТЬЮ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ 413 И ЧАСТЯМИ ПЕРВОЙ И ПЯТОЙ СТАТЬИ 415 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МНЕНИЕ

СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.С. БОНДАРЯ

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 28 июня 2012 года N 1248-О, принятом по жалобе гражданина А.А. Хорошенко, сделал в конечном счете вывод о нарушении конституционных прав заявителя [частью четвертой статьи 413](#) и [частями первой и пятой статьи 415](#) УПК Российской Федерации. Одновременно в данном решении, имеющем статус определения с так называемым позитивным содержанием, сформулирована правовая позиция, согласно которой принятие Комитетом по правам человека соображений, содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства, является достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные Комитетом нарушения положений [Международного пакта](#) о гражданских и политических правах не могут быть исправлены в другом порядке, а их устранение необходимо для обеспечения правосудности вступившего в законную силу приговора (определения, постановления) суда и восстановления прав и законных интересов граждан и иных лиц ([абзац третий пункта 5](#) мотивировочной части).

Хотя данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации облечена в форму определения, которое не содержит указаний на необходимость обязательного пересмотра конкретного дела заявителя на основании соображений Комитета по правам человека в соответствии с конституционно-правовым смыслом оспариваемых законоположений, вынесенное Конституционным Судом Российской Федерации решение вполне может привести к тому, что на практике оно будет интерпретировано именно таким образом, т.е. послужит основанием для придания соображениям Комитета по правам человека значения юридического факта, влекущего за собой наступление вполне определенных уголовно-процессуальных последствий.

Но согласуется ли такой подход с природой и предназначением Комитета по правам человека и юридическим характером принимаемых им актов? Не выходит ли такая реакция правоохранительных и судебных органов Российской Федерации на акты Комитета за рамки тех обязательств, которые были приняты на себя Российской Федерацией при присоединении к Факультативному [протоколу](#) к Международному [пакту](#) о гражданских и политических правах?

В попытке найти ответы на эти, как и некоторые другие, вопросы представляется обоснованным высказать в соответствии со [статьей 76](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" свое мнение, что процессуально подкреплено голосованием против принятия указанного Определения по жалобе А.А. Хорошенко на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального [кодекса](#) Российской Федерации.

1. Как следует из материалов дела, обращению заявителя в Конституционный Суд Российской Федерации, а до этого - в Комитет по правам человека (далее по тексту - Комитет) предшествовало длительное разбирательство его дела в различных судебных инстанциях в рамках национальной судебной системы, в ходе которого были неоднократно задействованы как основные (ординарные), так и вспомогательные (субсидиарные) судебные-правовые средства для защиты прав заявителя и устранения возможно допущенных по отношению к нему судебных ошибок. Так, после осуждения приговором Пермского областного суда от 13 октября 1995 года его дело в рамках проверочных процедур трижды становилось предметом рассмотрения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (решения от 18 января 1996 года, от 5 июня 1996 года и от 15 января 1997 года) и столько же раз оно рассматривалось Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (решения от 20 марта 1996 года, от 18 апреля 2001 года и от 23 марта 2005 года). Это свидетельствует о том, что заявителю были предоставлены достаточно широкие возможности для юрисдикционной защиты прав в рамках предусмотренных национальным законодательством судебных процедур и заявитель

воспользовался ими в полном объеме. При этом назначенная приговором Пермского областного суда от 13 октября 1995 года смертная казнь впоследствии была заменена в порядке помилования пожизненным лишением свободы, однако в основной своей части приговор остался неизменным, т.е. был признан законным и обоснованным.

Вместе с тем в связи с индивидуальным обращением заявителя в Комитет данный орган в своих Соображениях (приняты на сто первой сессии, 14 марта - 1 апреля 2011 года, сообщение N 1304/2004) констатировал нарушение Российской Федерацией его прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах, в ходе уголовного преследования и судебного разбирательства. Комитет пришел к выводу, что "государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, включая: проведение полного и тщательного расследования по обвинениям в пытках и жестоком обращении и возбуждение уголовного дела против тех, кто несет ответственность за такое обращение с автором; повторное судебное разбирательство при соблюдении всех гарантий в соответствии с Пактом и предоставление автору надлежащего возмещения, включая компенсацию" (пункт 11 Соображений).

Решая вопрос об уголовно-процессуальных последствиях такого рода соображений Комитета, Конституционный Суд Российской Федерацией и сформулировал в своем Определении приведенную выше правовую позицию, которая вызывает сомнение с точки зрения ее обоснованности.

2. Как это вытекает из учредительных документов (Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему), Комитет вправе получать сообщения от отдельных лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения конкретным государством - участником Пакта какого-либо из прав, гарантируемых Пактом, и, в случае признания таких сообщений приемлемыми, рассматривать их и передавать свои соображения заинтересованному лицу и государству, под юрисдикцией которого оно находится. При этом учредительные документы не определяют однозначно и с необходимой полнотой юридическую природу Комитета, а содержащиеся в них нормативные положения, равно как и сложившаяся на их основе правоприменительная практика не позволяют утверждать, что Комитет может (тем более - должен) рассматриваться как некий судебный (юрисдикционный) орган (например, по аналогии с Европейским Судом по правам человека), решения которого могли бы влечь для Российской Федерации последствия юрисдикционного характера.

Во-первых, сам факт отсутствия прямого урегулирования в учредительных документах правового статуса Комитета в качестве международного судебного (юрисдикционного) органа свидетельствует о том, что государства-участники не выразили свою волю в отношении наделения Комитета подобными полномочиями, а расширительное толкование международно-правовых актов, влекущее за собой наступление для их участников правовых последствий, существенно отличающихся от тех, которые они приняли на себя или же могли разумно предвидеть при заключении договора, недопустимо.

Во-вторых, учредительные документы не предъявляют к членам Комитета требований, хотя бы в общих чертах сопоставимых с теми, какие действуют в отношении судей международных судебных органов, а это традиционно - необходимость соответствия требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности (в соответствующих государствах), как-то наличие общепризнанного авторитета в области права и т.п. (например, статья 21 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статья 36 Римского статута Международного уголовного суда). Более того, учредительными документами допускается вхождение в Комитет представителей государств, не участвующих в Факультативном протоколе <1>, и одновременно устанавливается - в связи с квалификационными требованиями - лишь то, что при формировании Комитета следует принимать во внимание "полезность участия нескольких лиц, обладающих юридическим опытом" (пункт 2 статьи 28 Пакта).

<1> Примечательно, что из четырнадцати членов Комитета, участвовавших в рассмотрении индивидуального сообщения А.А. Хорошенко, четверо были избраны по представлению государств, не являющихся сторонами Факультативного протокола и, таким образом, не признающих полномочий Комитета.

В-третьих, природа обращений в Комитет, как они определяются учредительными документами, отличается от той, которая присуща судебным обращениям, и, в отличие от заявлений или жалоб, обычно относящихся к юрисдикции судов, Комитет уполномочен рассматривать лишь сообщения от лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником какого-либо из прав,

изложенных в [Пакте \(статья 1 Факультативного протокола\)](#). Очевидно, что подобные сообщения имеют в своей основе информационно-петиционный характер.

В-четвертых, процедура рассмотрения Комитетом индивидуальных сообщений качественно отличается от судопроизводственной процедуры, поскольку она не предполагает гласность и состязательность, необходимость исследования доказательств, опрос свидетелей и экспертов. Не предусмотрен порядок обжалования актов Комитета, как и порядок контроля за их исполнением.

В-пятых, в настоящее время нет никаких оснований говорить о наличии сложившейся международно-правовой практики признания судебной (или квазисудебной) роли Комитета сколь-нибудь значительным числом государств мира. Насколько можно судить, национальное законодательство ни одного из государств - участников Факультативного [протокола](#) не определяет специально (в уголовно-процессуальном, административном либо ином порядке) характер взаимоотношений между Комитетом и государственными правоприменительными органами, тем более отсутствуют какие-либо основания и правовые предпосылки для отождествления Комитета с международными судебными инстанциями.

Ни в коей мере не умаляя роль Комитета в системе международно-правовых средств борьбы за права человека, следует учитывать, что смысл создания данного Комитета, как, впрочем, и иных, ему подобных органов (Комитет по расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и др.), состоит главным образом в том, чтобы обеспечивать наблюдение за реализацией соответствующих международных обязательств на внутригосударственном уровне. Для достижения этой цели Комитет уполномочен в строго установленном международным договором порядке указывать государствам в связи с поступившими индивидуальными сообщениями на те или иные имевшие место, по его мнению, отступления государства от принятых на себя обязательств в отношении конкретных лиц. Соответственно, можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время Комитет является именно экспертным конвенционным органом, что, в свою очередь, определяет характер и правовые последствия принимаемых им актов, которые, имея важное морально-политическое значение, не могут приравниваться к судебным актам или отождествляться с ними.

3. Наделяя Комитет полномочиями принимать по итогам рассмотрения индивидуальных сообщений сообщения и направлять их соответствующим государствам-участникам, учредительные документы не раскрывают природу таких сообщений и их содержание; не определяют они и возможности для Комитета давать в сообщениях конкретные (в рамках конкретных обстоятельств) рекомендации о национальных мерах по восстановлению прав граждан.

Между тем сам Комитет в порядке инициативного самоопределения посчитал возможным исходить из того, что сообщения, принимаемые им по индивидуальному сообщению, имеют "некоторые основные черты судебного решения", так как "они принимаются в духе, присущем судебному разбирательству, включая беспристрастность и независимость членов Комитета, взвешенное толкование формулировок Пакта и окончательный характер принимаемых решений" (Замечания общего порядка N 33 "Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах", пункт 11; док. CCPR/C/GC/33, 25 June 2009). Вызывает принципиальное возражение тот факт, что данная позиция Комитета буквально воспроизводится в указанном Определении Конституционного Суда Российской Федерации ([абзац третий пункта 4](#) мотивировочной части), что - в отсутствие каких-либо дополнительных поясняющих утверждений - может расцениваться так, что Конституционный Суд Российской Федерации разделяет такую, выраженную Комитетом, точку зрения на его роль и правовой статус. С этим никак нельзя согласиться.

Следует учитывать, что в учредительных документах акты, принимаемые Комитетом, весьма осторожно именуется сообщениями, и уже это само по себе не позволяет проводить аналогию между ними и судебными решениями, которые по форме и содержанию имеют итогово-постановляющий, повелительно-властный, обязывающий характер. При этом учредительные акты не наделяют Комитет правом дачи официального (авторитетного) толкования как самого [Пакта](#), так и [Протокола](#) к нему, а потому инициативное придание сообщениям Комитета некоего обязывающего значения, не нашедшего своего вполне определенного выражения в тексте учредительных документов, возможно не иначе как в рамках конференции государств-участников, созыв которой предусмотрен Пактом ([статья 51](#)) и Факультативным протоколом ([статья 11](#)).

Обязательность же своих актов Комитет основывает в формально-юридическом плане на предписаниях, содержащихся в [пункте 3 статьи 2](#) Пакта, согласно которым государства-участники

обязуются: обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в [Пакте](#), нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве; обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты; обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются. Но из этих нормативных положений вовсе не следует, что именно за Комитетом прямо или косвенно признается право и возможность определять в конкретной ситуации, какое именно средство правовой защиты является эффективным и какие механизмы должны быть использованы государством-участником для защиты (восстановления) прав лица, по индивидуальному сообщению которого Комитет принял соображения. Напротив, по буквальному смыслу изложенных положений [Пакта](#) именно государства-участники располагают всей полнотой свободы усмотрения в определении такого рода средств; это полностью согласуется с общими принципами взаимоотношений между конвенционными и национальными органами, в силу которых последние обладают несоизмеримо большими возможностями и осведомленностью в отношении мер, применение которых следует считать при данных обстоятельствах необходимыми для достижения конвенционных целей. Соответственно, Комитет вправе лишь предлагать государствам-участникам свое видение необходимости защиты (восстановления) прав граждан, но такая его позиция не имеет императивно-обязывающей силы для национальных правоохранительных и судебных органов.

Как указывает сам Комитет, в большинстве государств нет специальных законов, позволяющих учитывать соображения Комитета во внутренней правовой системе (Замечания общего порядка N 33, пункт 20). Вместе с тем на практике нередко встречаются случаи, когда государство, которому направлено сообщение, игнорирует его, либо дает на него неполный ответ, либо не реагирует на принятое Комитетом соображение, либо не сотрудничает в полной мере со специальным докладчиком. При этом важно учитывать, что в Факультативном [протоколе](#) не участвуют 79 из 193 государств - членов ООН, включая США, Соединенное Королевство, Китай, Индию, Индонезию, Швейцарию, в связи с чем нет никаких оснований для вывода о наличии общепризнанной на международном уровне практики эффективного и полного исполнения соображений Комитета государствами - участниками [Пакта](#), равно как и о всеобщем признании Факультативного [протокола](#) как такового.

4. Признание Российской Федерацией Факультативного [протокола](#), как это прямо следует из его текста, влечет для нее определенные юридические обязательства, а именно: сотрудничать с Комитетом ([статья 1](#)); не препятствовать доступу к Комитету лиц, подлежащих ее юрисдикции ([статьи 1 и 2](#)); представить Комитету объяснения в связи с сообщением в течение шести месяцев после уведомления о получении Комитетом сообщения ([пункт 2 статьи 4](#)).

Соответственно, ни конвенционные акты, ни ратификационные документы не содержат положений, аналогичных, например, тем, которые предусмотрены Федеральным [законом](#) от 30 марта 1998 года N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", согласно которому Российская Федерация признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения [Конвенции](#) и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией ([статья 1](#)), а поэтому какие-либо аналогии в последствиях для Российской Федерации решений Европейского Суда по правам человека, с одной стороны, и Комитета, с другой, являются неосновательными.

Вместе с тем надо учитывать, что [Конституция](#) Российской Федерации, закрепляя право каждого в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты ([статья 46, часть 3](#)), исходит из того, что это право, находящееся в нормативном единстве с правом каждого на судебную защиту (ему посвящена в целом [статья 46](#) Конституции Российской Федерации), имеет как международно-правовое, так и конституционное признание. [Конституция](#) Российской Федерации, безусловно, предусматривает гарантии защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, в том числе с помощью обращения в различные межгосударственные органы, включая Комитет по правам человека; однако юридические последствия использования международных средств гарантирования могут и должны получать свою реализацию в рамках установленных в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами национальных юрисдикционных процедур.

5. Таким образом, ни в коей мере не отрицая необходимость принятия органами власти Российской Федерации в пределах их дискреционных полномочий тех или иных мер, направленных на защиту прав

человека и гражданина в соответствии с высказанными соображениями Комитета, в то же время считаю обоснованным мнение о том, что Конституционному Суду Российской Федерации надлежало принять по жалобе А.А. Хорошенко так называемое отказное определение: оспариваемые заявителем законоположения, не относящиеся к основаниям возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств соображения Комитета по правам человека, не содержат неопределенности с точки зрения их соответствия [Конституции](#) Российской Федерации и не нарушают конституционных прав и свобод человека и гражданина. Проверка же законности и обоснованности правоприменения, имевшего место в деле заявителя, как справедливо указывается и в самом Определении от 28 июня 2012 года N 1248-О, связана с установлением и исследованием фактических обстоятельств его уголовного преследования и к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан, как они определены в [статье 125 \(часть 4\)](#) Конституции Российской Федерации и [статье 3](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", не относится.